

ПУТЬ ТРУДНЫЙ, ПУТЬ РАДОСТНЫЙ

ПУТЬ на Хабаровска в Москву самолетом занимает не более двенадцати часов. Однако Хабаровский краевой театр драмы добирался в столицу куда дольше. Он «останавливался» на двухмесячные гастроли в Иркутске. Там, играя по два спектакля в день — в Иркутске, Братске и Ангарске, репетировали «Ярость», пьесу Е. Яновского. Спектаклем этим должны были начаться гастроли в столице.

Путь длинный, но преодолеть его было нетрудно.

А вот путь к сердцу зрителя...
ГУДЯТ, гудят колокола. Травяные и ликующие звуки их заполняют сцену и зрительный зал. Это звучит Семен Ковров (артист А.

Егоров). Он, немой, нашел, наконец, способ рассказать людям о заговоре против колхозного строя. Гудят колокола. И вдруг — стон, кто пуля врага нашла Семена.

И теперь гул колоколов сливается с плачем людей, звуками оркестра. Преодолевая трагическую ноту, он звучит все победнее.

Как многое в этой пьесе, талантливо поставленной Я. Цициновским, по-настоящему волнует тех, кто сидит в зале. Редко даже в самых лучших спектаклях наших театров ощущается такой сильный эмоциональный заряд.

Мне кажется, что эмоциональное, романтически приподнятое решение — ключ к современному звучанию

спектакля. Это звучание — не в прямых ассоциациях с деталями жизни наших дней; в создании героических характеров, в отображении высоких идеалов.

Обжигающей силы полны и многие другие сцены спектакля, в котором нет полутонов, спектакля, где любят страстно и так же страстно ненавидят. Высокая, истинная правда мыслей и чувств героев определяет спектакль.

И как радостна, как празднична эта встреча с коллективом, провозглашающим героическое!

«**Х**ОТИТЕ, чтоб у вас был умный ребенок... смотрите на меня...», «Свое целую, не чужое» (это — обнимая собственную жену)... И так далее, и так далее. Зрители, присутствующие на спектакле «Семья Плахова», смеются. Они не только смеются, они и плачут — на сцене разыгрывается история человека, воспитавшего троих чужих детей.

Смех и слезы — что может быть дороже театру?

Но мне кажется, что я пришла в другой театр, не тот, где вчера смотрела «Ярость».

Там — сложные идейные задачи и сложное художественное их решение. Здесь — и задачи примитивные, и решение простейшее. Нет глубины характеров в пьесе В. Шаврина — актеры и не стремятся их «дописать» сценическими средствами. Зато театр использует привычные и «удобные» приемы, чтобы разжалобить или рассмешить зрителя.

Слезы, слезы, слезы...

И — смех... Старый человек надевает на себя пестрый японский халат, путается в его длинных полах... Окружающие хохочут. А уж какие приступы веселья вызывают шуточки, подобные фразам, цитированным выше!

ХАБАРОВСКИЙ театр привез в Москву интересный репертуар. Зрительный зал Малого театра, где он гастролит, всегда полон. Спектакли проходят с успехом.

Только успех этот неординарок.

В публицистическом, интересном спектакле «Камешки на ладони» неожиданно появляются «чувствительные» любовные сцены, по ходу ко-

торых герои надрынно плачут, патетически вздыхают... Один из героев много говорит о любимой жене, о своем «законном чуде». В воображении нашем возникает образ юной, прелестной женщины. Вдруг в глубине сцены, в туманной дымке появляется она сама, в неслепом розовом лыжном костюме, и наивно лепечет что-то о своем «Иванке». А зритель-то уже знает, что герою убить... Трогательно? Возможно. Но как далеко от стилистики сурового, гражданского спектакля.

Такая же двойственность и в решении «Машеньки», где внутренняя наполненность актерской игры, сдержанность исполнителей порой сменяются слезливостью или приемами чуть ли не буйными.

...Когда взволнованный, весь наполненный какой-то скрытой радостью появляется на сцене царь Федор Иванович — артист М. Храбрый, когда этот некрасивый большой царь с нескрываемым восторгом говорит о красоте и силе человеческой, когда мы видим, что этот добрый прекрасный человек перестает ве-

рить людям и оттого гибнет, мы испытываем настоящее потрясение.

И в том же «Царе Федоре Ивановиче» — Борис Годунов (артист М. Седнев). У исполнителя хорошая внешность, костюм сидит на нем ладно. Но вместо живого человека — театральная персонаж. И не один Борис такля в этом спектакле.

А потом я смотрю «Костер епископа», пьесу Шона О'Кейси, рассказывающую о борьбе против церкви и внутри церкви, борьбе, происходящей в далекой Ирландии. Здесь, так же как и в «Ярости», театр идет сложнейшим путем проникновения в духовный мир человека. И не сразу, но все острее и острее в спектакле начинает звучать тема бунта человека против цепей религии и собственности, против духовного порабощения.

И пусть режиссеру не во всем удалось преодолеть некоторую композиционную рыхлость пьесы, излишнюю ее усложненность. Но, право же, «недоборы» «Епископа» кажутся мне куда более перспективными для театра, чем «переборы» «Семьи Плахова».

ДВА пути перед Хабаровским театром. Короткий путь поверхностного успеха у не очень требовательных зрителей и трудный путь исканий, подлинного творчества.

— Что вы хотели бы поставить. Ян Станиславович?

И ответ режиссера Я. Цициновского:

— Конечно, значительную, серьезную советскую пьесу. Знаете, каких замечательных людей я встретил во время наших гастролей в Братске, — вот бы о них создать спектакль. Думаю о «Виринее» Л. Сейфуллиной. Она может достойно продолжить тему «Ярости». А еще мечтаю о «Флаусте». Впрочем, сам понимаю, что это слишком трудно, невозможно!

Почему невозможно? Только путь этот трудный, долгий. Но ведь и радостный...

Л. БАРУЛИНА

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

№ 98 19 августа 1965 г. 3 стр.